

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-37-52>

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ

Александр Васильевич Малько¹

Вячеслав Владимирович Гурьев²

Виктор Александрович Затонский³

^{1,2,3} Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), 410003, Россия, г. Саратов, ул. Радищева, д. 55

¹ nauka@sarrpa.ru

² sarrpa@rambler.ru

³ zatonsky-va@yandex.ru

Аннотация

Актуальность темы обусловлена необходимостью наращивания научного поиска в сфере государства и права, потребностью в развитии теоретико-правовой науки, наполнении более совершенными, приближенными к современным условиям знаниями, методологическими подходами, соответствующим инструментарием. Особую ценность для науки и практики имеет правильное понимание категории «государственно-правовая жизнь», дающей возможность в комплексе рассматривать разнообразные явления и процессы государственно-правовой реальности. Цель работы заключается в исследовании процесса возникновения и становления концепции государственно-правовой жизни, определении ее статуса в современной юридической науке. Используются методы: общенаучные (диалектический, анализ, синтез, сравнение, аналогия, системный, функциональный и др.) и частнонаучные (формально-юридический, сравнительно-правовой). Новизна статьи состоит в теоретическом анализе недостаточно исследованного феномена государственно-правовой жизни, уточнении объекта теоретико-правовой науки. Сформулированы выводы о том, что понятие «государственно-правовая жизнь» как отражение новой теории следует ввести в категориальный аппарат юридичес-

кой науки; именно данная категория в полной мере отражает объективную государственно-правовую реальность и выступает объектом как общей теории государства и права, так и юридической науки в целом.

Ключевые слова: государство; право; правовая система; правовая жизнь; государственно-правовая система; государственно-правовая жизнь; юридическая наука; научная категория; объект юридической науки.

Для цитирования: *Малько А. В., Гурьев В. В., Затонский В. А.* Государственно-правовая жизнь общества: проблема становления и актуальные вопросы общей теории // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 37–52. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-37-52>

Research Article

STATE AND LEGAL LIFE OF THE SOCIETY: THE PROBLEM OF FORMATION AND RELEVANT ISSUES OF GENERAL THEORY

Aleksandr V. Malko¹

Vyacheslav V. Guriev²

Viktor A. Zatonsky³

^{1,2,3} Volga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 55 Radishcheva St., Saratov, 410003, Russia.

¹ nauka@sarrpa.ru

² sarrpa@rambler.ru

³ zatonsky-va@yandex.ru

Abstract

The relevance of the present paper is served by the need to enlarge the sphere of academic research in the field of state and law as well as the need to develop theoretical juridical doctrine, to fill it with appropriate knowledge, relative to current conditions, methodological approaches, and corresponding terms. The authors believe that the right position towards the category of “state and legal life” is especially valuable for theory and practice, as it provides the possibility to view diverse phenomena and processes of state-legal reality in complex. The work is aimed to study the processes of emergence and formation of the conception of state and legal life, and to determine its status in existing juridical doctrine. The authors apply: general scientific methods (which are dialectical

method, analysis, synthesis, comparison, analogy, systemic, functional method, etc.) and specific scientific methods (formal legal, comparative legal ones). The newness component is realized through the authors' theoretical analysis of the state-legal life phenomenon, which suffers the lack of study, and clarification of the object of theoretical and juridical science. The authors come to conclusion that the notion "state and legal life" as the reflection of the new theory should be implemented in categorical apparatus of juridical science, because this particular category fully reflects objective state-legal reality and acts as the object of state and law theory and legal doctrine in general.

Keywords: state; law; legal system; legal life; state and legal system; state and legal life; juridical science; scientific category; object of legal science.

For citation: Malko A. V., Guriev V. V., Zatonsky V. A. State and Legal Life of the Society: The Problem of Formation and Relevant Issues of General Theory. *Herald of the Russian Law Academy*, 2024, no. 2, pp. 37–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-2-37-52>

Введение

Прошедшие два десятилетия XXI в. стали временем существенных изменений в состоянии российской государственности как в глобальном, межгосударственном измерении, так и внутреннем, национальном контексте. Эти подвижки не могли не затронуть и науку, которая все более и более подтверждает свою роль как непосредственной силы прогрессивного преобразования общества. Данное свойство науки присуще не только естествознанию. Оно ничуть не в меньшей степени имеет отношение к общественным наукам. И если вести речь о государственности, то ведущую роль в ее совершенствовании юридической науки вряд ли можно приуменьшить. Кроме того, развитие материального мира и науки, изучающей этот мир, – диалектически взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы: наука создает условия, возможности, средства для технического и общественного прогресса, а сама необходимость подобного совершенствования становится стимулом, запускающим активизацию научных изысканий.

Ситуация, сложившаяся в мире в целом и в России (вокруг России) в частности, стала мощным стимулом, пусковым механизмом для наращивания научного поиска в сфере государства и права. Результатом данных усилий на сегодняшний день стало появление нового, более объемного знания, стремление исследователей упорядочить его, выразить в форме научных теорий, системы понятий, категорий, законов.

Юридическая наука, так же как и другие обществоведческие дисциплины, стала прирастать свежими теориями, концепциями, новым категориальным ресурсом. При этом речь вовсе не идет об отказе от тех или иных существующих концепций и соответствующих знаний. Происходит их развитие, наполнение более совершенными, приближенными к современным условиям знаниями, методологическими подходами, соответствующим инструментарием.

1. Правовая политика, правовая система, правовая жизнь: соотношение и содержание как отражение развивающейся теории

В теоретико-правовой науке такими знаниями стали теории, выраженные категориями «правовая политика» [1–3] и «правовая жизнь» [4–7]. Примечательно, что они были введены в категориальный аппарат теории права практически одновременно. И это вполне обоснованно. Ведь одна без другой данные категории (и социальные реалии) существовать не могут; отрицание одной из них лишает всякого смысла другую. Правовая жизнь – объект правовой политики [8].

Теория, выраженная категорией «правовая жизнь», существенно повышает познавательные возможности научного юридического сообщества, позволяет выйти за привычные, укоренившиеся в сознании многих ученых представления о правовых явлениях как сугубо позитивных, упорядоченных, правомерных, весь комплекс которых обозначается категорией «правовая система». Между тем, в научной литературе уже приведены достаточно убедительные доводы в пользу признания подобного толкования неточным, не соответствующим современным реалиям [3, с. 69–85; 9, с. 14–23; 10, с. 342–349]. Почему?

Во-первых, признание того или иного явления, процесса правовым вовсе не означает, что это явление или процесс правомерный, положительный, упорядоченный. Негативные, рассогласованные, неупорядоченные проявления социальной жизни, в том числе преступления и иные правонарушения – тоже правовые, безразличные праву, т.е. правовые, но со знаком «минус» [11, с. 3, 231–232]. Еще раз подчеркнем: негативные, противоправные, но все же правовые, относящиеся к тем общественным отношениям, на которые, главным образом, и направлено регулирующее и охранительное воздействие правовых норм.

Во-вторых, такая социальная реальность и прочно закрепившаяся в науке категория, как «правовая система», уже не отвечает отведенному ей в прежние времена статусу самой широкой, объемной научной юридической категории. Она вовсе не является «вместилищем, средоточием» всех юридических явлений [12, с. 197, 276–277; 13, с. 47; 14, с. 26], оставляя за своими рамками множество правовых (но не правомерных, со знаком «минус») отношений.

Данный вывод может быть обоснован, по сути, точно так же, как это сделали в середине 1980-х гг. авторы первой главы фундаментальной монографии «Правовая система социализма» В. Н. Кудрявцев, А. М. Васильев, В. П. Казимирчук, объясняя необходимость введения в науку категории «правовая система». Они отметили, что к тому времени «в юридической науке сложилась ситуация, когда аналитические разработки в праве перешагнули через наличные теории (ведь понятие, по существу, есть развивающаяся теория). Поскольку же наличный аналитический материал уже не укладывается в существующие теории, потребность синтеза необходимо ведет к новой теории (понятию), более адекватно обобщающей данные анализа». С их точки зрения, решению такой задачи как раз и отвечала в тот период идея правовой системы [15, с. 32].

В современной отечественной юридической науке сложилась аналогичная ситуация. Теперь уже правовая система не в состоянии охватить «наличный аналитический материал», что вызывает потребность в новой теории, выраженной

соответствующей научной категорией – «правовая жизнь» [16, с. 5–13]. Данная категория, в отличие от правовой системы, отражает иной, более высокий уровень исследования в направлении «право – правовая система – правовая жизнь». Как социальная реальность правовая жизнь представляет собой «форму социальной жизни, выражающуюся преимущественно в правовых актах и правоотношениях, характеризующую специфику и уровень правового развития данного общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов» [2, с. 48]. Главное ее призвание как научной не просто юридической, а, скорее, междисциплинарной категории – отразить абсолютно все пространство бытия права, включая как позитивные, так и негативные его проявления.

Конечно же указанные проявления (такие, например, как правомерное и противоправное поведение) различаются по своей природе, содержанию и направленности. Тем не менее главное в них то, что по характеру они правовые и включены в качестве компонентов юридического пространства, выступают сегментами правового поля. Ведь называем же мы, скажем, незаконные акты правовыми. И делаем это вполне обоснованно. Так почему же нельзя считать правовым (но не правомерным, противоречащим действующему законодательству) противоправное поведение, как полагают некоторые ученые. Например, характеризуя такое явление, как теневое право, В. М. Баранов признает его наличие в жизни общества (ведь не может же оно существовать за пределами общества), но упорно отказывается позиционировать его в рамках правовой жизни этого самого общества на том основании, что «теневое право... активно противостоит» правовой жизни, «...разрушает ее в силу своей антиобщественной природы... Теневое право – жизнь, но... не правовая» [17, с. 9]. Кто же спорит с тем, что теневое право (как и любое другое негативное, противоправное явление, то или иное проявление неправомерного, правонарушающего поведения) вредит правовой жизни, препятствует обеспечению ее высокого качественного уровня, разрушает ее? Это действительно так. Но как можно вывести весь теневой сегмент правовой жизни общества за пределы данного общества только на том основании, что он имеет «антиобщественную природу»? Разве не может он оказывать свое разрушающее воздействие изнутри общества, его правовой жизни?

Нелишне будет заметить, что в учебной литературе по теории государства и права, криминологии как правомерное поведение, так и правонарушения, включая преступления, рассматриваются как виды правового поведения. В. Н. Кудрявцев, в частности, подчеркивает, что «преступность – социальна», что она выступает «как явление, существующее в обществе, связанное (и обусловленное) с другими социальными явлениями...», «преступная деятельность людей... является особым видом социальной деятельности (со знаком минус)». Он выступает против тенденции «выводить» преступность за пределы общества, призывает не забывать «о том, что преступность не просто социальное явление, а социальное явление, «включенное» в правовые границы», рассматривает отдельные преступления и преступность в целом как «социально-правовое явление, нарушающее нормальное функционирование общественного организма» [5, с. 38–39; 18, с. 6–7, 9–12].

Завершая данную часть нашего исследования, считаем важным указать на то, что негативный, теневой сегмент правовой жизни в отечественной юридической

литературе рассматривается не только с сугубо отрицательной стороны. Многие исследователи допускают возможность определенного положительного, стимулирующего воздействия теневого права на развитие правовой системы [19, с. 32–40; 20, с. 42–43].

Таким образом, имеются достаточные основания для придания правовой жизни статуса научной категории, закрепления ее в категориальном аппарате юридической науки, прежде всего общей теории государства и права.

2. Правовая жизнь общества и государство

Безусловно, никакая общественная жизнь без государства невозможна: ни экономическая, ни культурная, ни, тем более, политическая и правовая. Государство – наиболее важный и действенный субъект правовой сферы, всей общественной организации, оно формирует условия для эволюции правовой жизни, поскольку само нуждается именно в такой организации своего бытия. Именно такой статус государства в наибольшей мере отвечает той повышенной роли, которая отведена ему современными вызовами, порожденными внутригосударственными и мировыми процессами, дестабилизирующими жизнь общества. Подобного рода процессы и явления четко обозначены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утв. указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. Внутри страны это, например, «высокий уровень преступности в отдельных сферах, экстремистские проявления, угрозы, связанные с возникновением чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (изменения климата, лесные пожары, наводнения и паводки, износ инженерно-технической и транспортной инфраструктуры, занос и распространение опасных инфекционных заболеваний)» и др. [21]. Но особо опасный комплекс угроз, как отмечено в указанном документе, исходит извне. «Нарастает геополитическая напряженность, изменяется структура мирового порядка, формируются новые архитектура, правила и принципы мироустройства. Как следствие, нарастает стремление стран Запада сохранить свою гегемонию, усиливается нестабильность в мире, растут радикальные и экстремистские настроения, возникает возможность попыток разрешить нарастающие межгосударственные противоречия за счет поиска внутренних и внешних врагов, что может привести к разрушению экономики, традиционных ценностей, игнорированию основных прав и свобод человека» [21].

Основное бремя решения современных угроз ложится именно на государство. Ведь абсолютно все подобные процессы негативным образом влияют именно на государство и национальную правовую систему. Не случайно в указанной Стратегии подчеркивается «стремление транснациональных корпораций ограничить роль государств», которое влечет за собой «обострение внутриполитических проблем, усиление межгосударственных противоречий, ослабление влияния международных институтов и снижение эффективности системы национальной безопасности» [21].

Следовательно, государство – особенный, уникальный субъект правовой жизни, непосредственно воздействующий на все ее стороны путем выработки и применения управленческого инструментария, закрепляемого в правовых актах. В более

широком контексте государство выступает организатором, изначальным «движителем» всей правовой жизни общества.

Государство в правовой жизни выступает как особый ее участник. Оно само по себе функционирует в механизме правовой жизни, «живет» в правовой сфере общества. Именно в правовой жизни государства прежде всего отражается весьма сложно развивающаяся и противоречивая юридическая действительность, неразрывная связь многообразных правовых явлений со всеми другими сферами жизнедеятельности общества – политической, экономической, духовной, религиозной, нравственной и т.п. [22, с. 42].

Получается, что правовая жизнь государства и его органов проявляется, в конечном счете, в обеспечении эффективного функционирования как самого государственного механизма, так и всех других субъектов, системы отечественной государственности в целом. Государство – институт политической власти, изначально призванный обеспечить управление обществом, выстраивающий для этого правовую систему, а жизнь социума – это то пространство, в котором происходят соответствующие процессы, реализуется главный из этих процессов – властвование, управление.

При этом государство и право как активно действующие, ведущие субъекты стремительно развивающейся и противоречивой жизни современного общества должны рассматриваться диалектически, в разнообразном взаимодействии и взаимовлиянии как между собой, так и с обществом, объединениями граждан. Поэтому, как справедливо отмечается в научной литературе, наряду с правовой жизнью, – достаточно устоявшейся категорией, – необходимо использовать и понятие государственно-правовой жизни [4, с. 217–254; 7, с. 87–107; 8, с. 44–48].

3. Государственно-правовая жизнь общества: понятие и признаки

Государственно-правовая жизнь общества – это относительно самостоятельный сегмент социальной жизни, выражающийся преимущественно в правовых актах, правообразующих и правореализационных отношениях, в непосредственном управлении, характеризующий специфику и уровень государственной и правовой организации данного общества, отношение субъектов к праву и государству, а также степень обеспеченности прав, свобод и законных интересов граждан.

Наиболее характерные сущностные и ценностные черты государственно-правовой жизни как социальной реалии и научной категории могут быть выражены следующим образом:

1) ее главное предназначение – отражение юридической действительности со всеми ее проблемами, сложностями и противоречиями, взаимоотношения всего спектра государственных и правовых явлений с общественными явлениями иной направленности (экономическими, культурно-этическими, нравственными, профессиональными и др.);

2) данная категория позволяет оценивать в обобщенной форме состояние государственно-правовой сферы общества в сложившихся на данный момент времени условиях, в том числе и прежде всего – поведение граждан, их объединений, социальных слоев, групп и т.п.;

3) государственно-правовая жизнь есть сфера, в которой, с одной стороны, реализуется властная воля государства, а с другой – действует регулятивно-охранительная сила права, воплощается его упорядочивающая роль, разворачивается весь комплекс разнообразных форм деятельности участников соответствующих отношений (как правомерной, так и противоправной, как патриотически направленной, так и антигосударственной);

4) государственно-правовая жизнь – вместилище всей совокупности явлений и процессов, имеющих место в ее пространстве, как позитивных, так и негативных. Именно это обстоятельство, в принципе говоря, и обуславливает прежде всего введение в понятийный аппарат юридической науки рассматриваемой категории.

Немалый интерес вызывает вопрос о том, используется ли понятие «государственно-правовая жизнь» в научной литературе. Наиболее раннее на сегодняшний день упоминание определения «государственная» в сочетании со словом «жизнь» обнаруживается в монографии шведского социолога и политолога, автора термина «геополитика» Рудольфа Челлена «Государство как форма жизни» (1916). Он, в частности, пишет: «Жизнь государства бьет ключом, перемещаясь от одной границы к другой, колеблясь вместе с государствами в такт истории» [23, с. 145], «...государство – это своего рода жизнь...» [23, с. 259]. Рассуждая о задачах политической науки, автор пишет, что «политика включает в себя в самом широком смысле всю историю настолько широко, насколько считают историю наукой о законах развития государственной жизни» [23, с. 293], указывает на требования, предъявляемые к ученым, «исследующим государственную жизнь» [23, с. 294]. Подводя итоги своего исследования, Р. Челлен отмечает: «Государство... не является только правовой организацией, собранием законов и системой управления.... Этот факт по своей сути есть... жизнь, движущаяся, действующая, работающая во внутрь и во вне... Он неослабно стремится к реализации... возможностей развития... входит в неослабное соприкосновение с другими сферами деятельности государства, его житья-бытья в добре или зле. Он... поставлен в условия борьбы за существование, которая занимает большую часть его сил и вызывает постоянные... трения с окружением» [23, с. 298].

Многочисленные примеры использования понятия «государственная (государственно-правовая) жизнь» и близких, родственных по смыслу понятий встречаются в современной юридической литературе. Так, Ю. А. Гуторов в одной из своих статей рассматривает «взгляды евразийцев на проблему устройства государственно-правовой жизни общества» [24, с. 381]. В. В. Трофимов наряду с понятием политико-правовой системы использует категорию «государственно-правовая жизнь» [25, с. 9]. В. И. Червонюк и Е. Ю. Зинченко применяют понятие «конституционно-правовая жизнь» [26, с. 185]. Рассматриваемую категорию можно встретить в работах других российских ученых-юристов [27, с. 291; 28, с. 110; 29, с. 149; 30, с. 27], а также зарубежных авторов [31, с. 7].

Таким образом, понятие «государственно-правовая жизнь» вторгается в категориальный аппарат юридической науки вовсе не спонтанно, не по чьему-то внезапному наитию, а во многом обоснованно, закономерно, как адекватный ответ на сложившиеся в современном мире и в каждой стране реалии.

4. Объект юридической науки: государственно-правовая система или государственно-правовая жизнь?

Изложенные выше размышления и промежуточные выводы с неизбежностью требуют ответа на вопросы: зачем мы продвигаем в юридическую науку категорию «государственно-правовая жизнь», какой статус она должна обрести, будучи все-таки общетеоретической, более того, междисциплинарной, в теории государства и права?

На эти вопросы нельзя ответить однозначно. Дело в том, что в современной научной и учебной литературе четко обозначены две существенно отличающиеся друг от друга позиции, каждая из которых предлагает комплексное явление и соответствующую категорию, которой предлагает придать статус объекта общей теории государства и права. Обе эти позиции весьма интересны, заслуживают изучения и обстоятельного осмысления.

Р. А. Ромашов и его сторонники (соавторы коллективной монографии [32]) в качестве объекта теоретико-правовой науки продвигают комплексное явление, выраженное категорией «государственно-правовая система». При этом они формулируют свою позицию не двусмысленно, вполне определенно: «Основным центром теоретического осмысления этой науки должен стать феномен государственно-правовой системы.... Только наука, центр познания которой – государственно-правовая система, может считаться наукой наивысшего теоретического осмысления государственно-правовой реальности» [32, с. 22–23].

Не можем признать подобную претензию по поводу категориального статуса государственно-правовой системы оправданной в силу нескольких вполне очевидных обстоятельств.

Во-первых, такие социальные явления и понятия, как «государственно-правовая система» и «государственно-правовая реальность» совершенно разные по своему объему, содержательному наполнению. Первое значительно уже второго. Государственно-правовая система – только часть государственно-правовой реальности. Да, авторский коллектив рассматриваемой монографии довольно широко трактует ее (системы) объем, который можно выразить формулой «все правовое плюс все государственное» в данном обществе. В то же время пространство, охватываемое данной категорией, оказывается усеченным (в сравнении с реальностью), поскольку как правовыми, так и государственными признаются лишь позитивные, правомерные, полезные, приемлемые для государства и общества явления, процессы, поведенческие проявления. И это правильно. Только подобные явления и процессы может включать в себя как правовая, так и государственно-правовая система. Государственно-правовая реальность же намного шире, многообразнее соответствующей системы, представлена как позитивными явлениями, так и негативными.

Таким образом, Р. А. Ромашов и его коллеги призывают «центром познания» теоретико-правовой науки в целях «наивысшего теоретического осмысления государственно-правовой реальности» считать явление, которое по своему объему не соответствует этой самой реальности. Парадоксально, но именно так, а не иначе. Кроме того, вызывает некоторое недоумение то, что они почему-то используют не обычное понятие «объект науки», а непонятное и расплывчатое (во всяком

случае, не истолкованное авторами) словосочетание «центр познания». Поэтому мы воспринимаем «центр» и «объект» как синонимы.

Конечно же теория, выраженная категорией «государственно-правовая система», не может быть отвергнута, определенная и немалая научная и прикладная ценность в ней, безусловно, есть. Ее разработку необходимо продолжать. Однако признание государственно-правовой системы объектом общей теории государства и права было бы опрометчивым. Данная система – лишь часть, пусть основная, «центральная», но только часть государственно-правовой реальности, а следовательно, всего лишь часть объекта теоретико-правовой науки.

Однако прежде чем перейти к характеристике другого, более приемлемого, на наш взгляд, подхода к определению объекта теории государства и права, да и юридической науки в целом, необходимо остановиться еще на одном сюжете монографии авторского коллектива под руководством Р. А. Ромашова [32]. Речь идет о трактовке субъектного состава государственно-правовой системы. Государственно-правовая система рассматривается как «комплексная категория, включающая в качестве структурно-функциональных элементов государственно-правовые институты, субъектов государственно-правовых отношений, а также их (отношений) содержание, в рамках которого происходит реализация субъективных прав и обязанностей» [32, с. 8].

В качестве же субъектов государственно-правовых отношений Р. А. Ромашов в одной из своих статей указывает на государственные органы и должностные лица (бюрократическую элиту), само государство, административно-территориальные образования (субъекты федеративных государств), негосударственные формирования (политические партии, профсоюзы, религиозные конфессии и др.), отдельных граждан [33, с. 40].

Кстати, подобный беспредельный, безграничный подход к структуре правовой системы существует уже давно. Это подход, в соответствии с которым в качестве составных элементов выделяются субъекты права. Не юридически значимая деятельность участников правоотношений, не субъективные права и юридические обязанности, а необъятное число их носителей, т.е. «именно человек (гражданин, иностранный гражданин, лицо без гражданства) и его объединения (общественные организации и движения, акционерные общества, другие коммерческие и некоммерческие организации и государство в целом)... выступают реальными элементами правовой системы» [34, с. 463–464, 483]. Аналогичную трактовку субъектного состава осуществляют авторы рассматриваемой монографии применительно к государственно-правовой системе.

Что можно сказать? Только то, что данный подход вряд ли можно признать правильным. Как в правовую, так и в государственно-правовую систему входят права, свободы и обязанности (субъективное право) но не их носители – физические и юридические лица. Все они – субъекты права, но «включение самих субъектов права в правовую систему, тем более в качестве «ядра», «главного компонента» правовой системы, лишает последнюю качеств «правовой» и «системы», превращая понятие правовой системы в бессодержательную, лишённую здравого смысла абстракцию» [35, с. 325]. Человек как носитель прав и обязанностей – центр право-

вой жизни [36, с. 166], но не правовой системы. Данная оценка в полной мере применима и к рассматриваемой концепции государственно-правовой системы.

Итак, как следует из сказанного, второй подход к определению объекта теоретико-правовой науки исходит из того, что таковым является государственно-правовая жизнь общества. Данное положение находит признание в трудах В. М. Сырых [37, с. 43–97, 104–115], М. Н. Марченко [38, с. 6–24] и др. Основные положения, обосновывающие указанный вывод, могут быть сведены к следующим позициям.

Объект науки нельзя рассматривать в отрыве от ее предмета. Если предмет теории государства и права, его «непосредственное содержание» образуют «закономерности функционирования и развития» государственно-правовых явлений, то объектом данной науки выступает «форма проявления этих закономерностей в реальной жизни, конкретно-исторические процессы возникновения, развития и современного существования государства и права» [37, с. 44–45]. По мнению М. Н. Марченко основное различие предмета теоретико-правовой науки и ее объекта «заключается... в том, что если объект... – это сама... реальная государственно-правовая жизнь, то предмет... это выявленные и выявляемые благодаря интеллектуальной деятельности субъекта познания и отражаемые в его сознании глубинные связи, или срезы этой жизни» [38, с. 19].

Категория «объект» в философской литературе рассматривается как отражение того, «что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности», и в качестве такового объекта для познающего индивида выступает «объективная реальность, существующая независимо от человека и его сознания...» [39, с. 924]. Такой реальностью и является объективно существующая государственно-правовая жизнь.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, считаем необходимым отметить, что теория, выраженная категорией «государственно-правовая жизнь», появляется не спонтанно, не на пустом месте и в то же время не создает никаких пустот. Имеется в виду то, что данная теория и выражающая ее категория не «съедает», не ликвидирует те концепции, которые выражаются категориями «правовая система», «государственно-правовая система» и на которые до последнего времени ориентировалась теоретико-правовая наука, а в определенной степени пока еще продолжает ориентироваться.

Речь идет о том, что эти ставшие традиционными категории и соответствующие теории интегрируются в новые, более широкие, можно сказать предельно широкие концепции: теория правовой системы становится частью более комплексной теории, выраженной категорией «правовая жизнь», а государственно-правовая система включается в государственно-правовую жизнь в качестве центральной составной части соответствующей теории.

При этом как социальные реалии правовая жизнь общества и его государственно-правовая жизнь должны изучаться и анализироваться как самостоятельные феномены, подобно тому, как могут в отдельности исследоваться право и государство. Ведь это явления, хотя и теснейшим образом взаимосвязанные, взаимно

обусловленные, взаимозависимые и взаимодействующие, но тем не менее самостоятельные. Такой подход, как представляется, наиболее приемлем в целях эффективного научного обеспечения, с одной стороны, общественных отношений, связанных с правом и его функционированием в обществе, а с другой стороны, тех социальных процессов, которые обусловлены исполнением государственных функций, управлением обществом, его интеграцией.

Именно государственно-правовая жизнь является объектом общей теории государства и права, да и всей юридической науки. Теоретико-правовая наука сосредотачивается на общей теории и методологии, вырабатывая базу, фундамент осмысления государственно-правовой реальности, а другие юридические научные дисциплины (отраслевые, межотраслевые, прикладные и др.) акцентируются на тех или иных сегментах объективной государственно-правовой жизни общества. При этом ни в коем случае не следует «...отрывать государственно-правовую жизнь и изучающие ее научные дисциплины, включая теорию государства и права, от реальной... жизни» [37, с. 8].

И вовсе не государственно-правовая система, а государственно-правовая жизнь позволяет обеспечить наиболее высокий уровень обобщения политико-правовой реальности.

Пристатейный библиографический список

1. *Рудковский В. А.* Правовая политика и осуществление права : монография / под ред. Н. Н. Вопленко. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2009.
2. *Малько А. В.* Теория правовой политики : монография. М.: Юрлитинформ, 2012.
3. Правовая политика как способ модернизации правовой системы общества : монография / под ред. А. В. Малько. М. : Институт государства и права РАН, 2019.
4. Правовая жизнь современного российского общества : уровни, срезы, сегменты : монография / под ред. А. В. Малько. М. : Проспект, 2016.
5. Правовая жизнь общества : проблемы теории и практики : монография / под ред. А. В. Малько. М. : Проспект, 2016.
6. Правовая жизнь современного общества : негатив и позитив : коллективная монография / под ред. А. В. Малько, В. В. Трофимова. Тамбов : ИД «Державинский», 2021.
7. Правовая жизнь общества и единое правовое пространство в Российской Федерации : монография / под ред. А. В. Малько. М. : Юстиция, 2023.
8. *Малько А. В., Трофимов В. В.* Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации : монография М. : Юстиция, 2020.
9. *Малько А. В., Затонский В. А.* Правовая система – ключевой компонент государственности, качественная основа правовой жизни общества // Российский юридический журнал. 2007. № 2.
10. *Затонский В. А.* Концепция правовой жизни как фактор достижения определенности в трактовке элементного состава правовой системы общества // Госу-

дарственно-правовые исследования : научно-образовательный ежегодник. Вып. 4. 2021 (2020/2021 учебный год). Тамбов : ИД «Державинский», 2021.

11. *Кудрявцев В. Н.* Правовое поведение : норма и патология. М. : Наука, 1982.
12. *Карбонье Ж.* Юридическая социология / пер. с фр. В. А. Туманов. М. : Прогресс, 1986.
13. *Алексеев С. С.* Право : азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999.
14. *Матузов Н. И.* Правовая система и личность. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1987.
15. Правовая система социализма : в 2 кн. Кн. 1 : Понятие, структура, социальные связи / отв. ред. А. М. Васильев. М. : Юрид. лит., 1986.
16. *Малько А. В.* Категория «правовая жизнь» : проблемы становления // Государство и право. 2001. № 5.
17. *Баранов В. М.* Теневое право как антиюридическая жизнь // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28).
18. Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 1999.
19. *Трикоз Е. Н.* «Теневое право» : миф или реальность // Законодательство и экономика. 2005. № 1.
20. *Калинин А. Ю., Кириллов С. И.* Теневое право : понятие и основные подходы к рассмотрению // Вестник юридического факультета Коломенского института (филиала) ГОУ ВПО МГОУ им. В. С. Черномырдина. 2011. № 6.
21. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.
22. Правовая жизнь в современной России : теоретико-методологический аспект : монография / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов : Изд-во СГАП, 2005.
23. *Челлен Р.* Государство как форма жизни / пер. с швед. и примеч. М. А. Исаева ; предисл. и примеч. М. В. Ильина. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.
24. *Гуторов Ю. А.* Государство правды как средство утверждения истинной идеологии в учении евразийцев // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2018. № 16.
25. *Трофимов В. В.* Идея верховенства права в государстве и социально-властный диалог в правотворческой плоскости как фактор ее осуществления // Право и государство : теория и практика. 2023. № 2.
26. *Червонюк В. И., Зинченко Е. Ю.* Сущность конституционного строя и его нормативные основания // Право и государство : теория и практика. 2021. № 9 (201).
27. *Мамычев А. Ю.* Основы российской государственности: теоретико-правовой анализ // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2010. № 52.
28. *Плетников В. С.* Проект конституции периода «оттепели» : участие общественности в обсуждении // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2020. № 3 (17).
29. *Паронян К. М.* Пределы и ограничения использования искусственного интеллекта в государственно-правовой жизни // Право и практика. 2021. № 4.

30. Сулейманова О.Л. Правоведение – направления развития // Право и государство : теория и практика. 2020. № 1 (181).
31. Шарофзода Р.Ш., Шокиров Г.А. Информация как объект юридического научного познания и правового воздействия // Правовая жизнь. 2021. № 3 (35).
32. Государственно-правовые системы современности : монография / под ред. Р. А. Ромашова. СПб. : Алетейя, 2023.
33. Ромашов Р.А. Государственно-правовые системы современности // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 3 (61).
34. Теория государства и права : учебник / отв. ред. В. М. Корельский, В. Д. Перевалов. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1996.
35. Российское государство и правовая система : современное развитие, проблемы, перспективы : монография / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999.
36. Байтин М.И. Сущность права: (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов : Изд-во СГАП, 2001.
37. Сырых В.М. Логические основания общей теории права : в 2 т. Т. 1 : Элементный состав. М. : Юстицинформ, 2000.
38. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права: учебник : в 2 т. Т. 1 : Государство. М. : Проспект, 2015.
39. Советский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1980.

References

1. Rudkovskii V. A.; Voplenko N. N. (ed.). Legal Policy and Implementation of Law: Monograph. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. (In Russ.)
2. Malko A. V. Theory of Legal Policy: Monograph. Moscow: Iurlitinform, 2012. (In Russ.)
3. Malko A. V. (ed.). Legal Policy as a Way to Modernize the Legal System of Society: Monograph. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019. (In Russ.)
4. Malko A. V. (ed.). Legal Life of Modern Russian Society: Levels, Sections, Segments: Monograph. Moscow: Prospekt, 2016. (In Russ.)
5. Malko A. V. (ed.). Legal Life of Society: Problems of Theory and Practice: Monograph. Moscow: Prospekt, 2016. (In Russ.)
6. Malko A. V., Trofimov V. V. (eds.). Legal Life of Modern Society: Negative and Positive: Collective Monograph. Tambov: Derzhavinskii, 2021. (In Russ.)
7. Malko A. V. (ed.). Legal Life of Society and a Single Legal Space in the Russian Federation: Monograph. Group of Authors. Moscow: Justice, 2023. (In Russ.)
8. Malko A. V., Trofimov V. V. Legal Life of Society as an Object of Legal Policy in the Context of Globalization and Regionalization: Monograph. Moscow: Justice, 2020. (In Russ.)
9. Malko A. V., Zatonskii V. A. The Legal System Is a Key Component of Statehood, the Qualitative Basis of the Legal Life of Society. *Russian Legal Journal*, 2007, no. 2. (In Russ.)
10. Zatonskii V. A. The Concept of Legal Life as a Factor in Achieving Certainty in the Interpretation of the Elemental Composition of the Legal System of Society. In State

Legal Studies: Scientific and Educational Yearbook. Issue 4. 2021 (2020/2021 Academic Year). Tambov: Derzhavinskii, 2021. (In Russ.)

11. *Kudriavtsev V. N.* Legal Behavior: Norm and Pathology. Moscow: Nauka, 1982. (In Russ.)

12. *Carbonier J.; Tumanov V. A. (ed.)*. Legal Sociology. Moscow: Progress, 1986. (In Russ.)

13. *Alekseev S. S.* Law: ABC – Theory – Philosophy. Experience of Complex Research. Moscow: Statut, 1999. (In Russ.)

14. *Matuzov N. I.* Legal System and Personality. Saratov: Saratov University Publishing House, 1987. (In Russ.)

15. *Vasiliev A. M. (ed.)*. Legal System of Socialism. In 2 books. Book 1: Concept, Structure, Social Connections. Moscow: Iuridicheskaiia literatura, 1986. (In Russ.)

16. *Malko A. V.* Category of “Legal Life”: Issues of Formation. *State and Law*, 2001, no. 5. (In Russ.)

17. *Baranov V. M.* Shadow Law as Anti-Legal Life. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 4 (28). (In Russ.)

18. *Kudrlavtsev V. N., Eminov V. E. (eds.)*. Criminology: Textbook. 2nd ed. Moscow: Iurist, 1999. (In Russ.)

19. *Trikoz E. N.* “Shadow Law”: Myth or Reality. *Legislation and Economics*, 2005, no. 1. (In Russ.)

20. *Kalinin A. Iu., Kirillov S. I.* Shadow Law: Concept and Main Approaches to Consideration. *Bulletin of the Faculty of Law of the Kolomna Institute (Branch) of the MGOLu named after V. S. Chernomyrdin*, 2011, no. 6. (In Russ.)

21. Decree of the President of the Russian Federation of 2 July 2021 No. 400 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2021, no. 27 (part 2), art. 5351. (In Russ.)

22. *Matuzov N. I., Malko A. V. (eds.)*. Legal Life in Modern Russia: Theoretical and Methodological Aspect: Monograph. Saratov: Saratov State Academy of Law Publ., 2005. (In Russ.)

23. *Challen R.; Ilyin M. V. (trans.)*. The State as a Form of Life. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2008. (In Russ.)

24. *Gutorov Iu. A.* The State of Truth as a Means of Establishing True Ideology in the Teachings of the Eurasians. *Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary*, 2018, no. 16. (In Russ.)

25. *Trofimov V. V.* The Idea of the Rule of Law in the State and Social-Power Dialogue in the Law-Making Plane as a Factor in its Implementation. *Law and State: Theory and Practice*, 2023, no. 2. (In Russ.)

26. *Chervoniuk V. I., Zinchenko E. Iu.* The Essence of the Constitutional System and its Normative Foundations. *Law and State: Theory and Practice*, 2021, no. 9 (201). (In Russ.)

27. *Mamychev A. Iu.* Fundamentals of Russian Statehood: Theoretical and Legal Analysis. *Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute*, 2010, no. 52. (In Russ.)

28. *Pletnikov V. S.* Draft Constitution of the “Thaw” Period: Public Participation in the Discussion. *Socio-Economic and Humanitarian Journal*, 2020, no. 3 (17). (In Russ.)

29. *Paronian K. M.* Limits and Limitations of the Use of Artificial Intelligence in State and Legal Life. *Law and Practice*, 2021, no. 4. (In Russ.)

30. *Suleimanova O. L.* Jurisprudence – Directions of Development. *Law and State: Theory and Practice*, 2020, no. 1 (181). (In Russ.)
31. *Sharofzoda R. Sh., Shokirov G. A.* Information as an Object of Legal Scientific Knowledge and Legal Influence. *Legal Life*, 2021, no. 3 (35). (In Russ.)
32. *Romashov R. A. (ed.)*. State Legal Systems of our Time: Monograph. St. Petersburg: Aletheya, 2023. (In Russ.)
33. *Romashov R. A.* State Legal Systems of Our Time. *Leningrad Legal Journal*, 2020, no. 3 (61). (In Russ.)
34. *Theory of State and Law: Textbook*. Yekaterinburg: Ural State Law Academy, 1996. (In Russ.)
35. *Starilov Iu. N. (ed.)*. Russian State and Legal System: Modern Development, Problems, Prospects: Monograph. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 1999. (In Russ.)
36. *Baitin M. I.* The Essence of Law: (Modern Normative Legal Understanding on the Verge of Two Centuries). Saratov: Saratov State Law Academy Publishing House, 2001. (In Russ.)
37. *Syrykh V. M.* Logical Foundations of the General Theory of Law. In 2 vols. Vol. 1: Elemental Composition. Moscow: Iustitsinform, 2000. (In Russ.)
38. *Marchenko M. N.* General Theoretical Issues of State and Law: Textbook. In 2 vols. Vol. 1: State. Moscow: Prospekt, 2015. (In Russ.)
39. *Soviet Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1980. (In Russ.)

Сведения об авторах:

А. В. Малько – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ.

В. В. Гурьев – кандидат экономических наук, доцент.

В. А. Затонский – кандидат исторических наук.

Information about the authors:

A. V. Malko – Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation.

V. V. Guriev – PhD in Economics, Associate Professor.

V. A. Zatonsky – PhD in History.

Статья поступила в редакцию 22.12.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2024; принята к публикации 04.03.2024.

The article was submitted to the editorial office 22.12.2023; approved after reviewing 12.02.2024; accepted for publication 04.03.2024.